

В
П-53

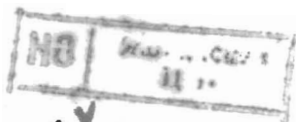
ИВАН
ПОЛУНИН
*Маежндый
тцесок*

В
П-53

ИВАН
ПОЛУНИН
*Маяжный
тцесок*

Стихи

✓
11052-8 ✓
✓

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

Стихам кемеровского поэта Ивана Полунина, составившим его новую книгу, присущи искренность и темперамент, с которыми он рассказывает о кровной связи с родной землей. Автору одинаково близки заботы хлеборобов и строителей, лесорубов и изыскателей — всех, кто трудится на необъятных просторах Сибири. Стихи дышат нравственным здоровьем, верой в доброту и красоту человека.

Иван Стефанович Полунин

ТАЕЖНЫЙ ТУЕСОК

М., «Советский писатель», 1983, 80 стр.
План выпуска 1983 г. № 202

Художник *В. Г. Виноградов*. Редактор *В. К. Семакин*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*. Техн. редактор *Е. П. Румянцева*
Корректор *Б. Ш. Котт*

ИБ № 3756

Сдано в набор 09.12.82. Подписано к печати 18.03.83. А 04045. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,09. Тираж 20 000 экз. Заказ № 285. Цена 35 коп.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11
Типография издательства «Радянська Донеччина», 340015, г. Донецк, ул. Газеты «Социалистический Донбасс», 4

П 4702010200—105
083(02)—83 202—83

© Издательство
«Советский писатель», 1983 г.

ОСНОВА

Урал минул...
И все же снова,
Зазывно рельсами звеня,
Степная станция Основа
Сквозь даль вторгается в меня.
К чему бы это наважденье?
От всех догадок отрекусь,
Проникну в емкое значенье,
Неповторимое, как Русь:
Основа...
Слышите, Основа!
Она Земле всего нужней!
И наш предел в борьбе суровой —
Предел упорства —
Связан с ней!
...Когда мы дом высотный строим,
То уплотняем грунт затем,
Чтоб только был
Запас утроен —
Запас устойчивости стен.
Как трудно создавать Основу,
Необходимую для всех!
Я взял на счастье
И подкову,
И веру в завтрашний успех.

* * *

Проснулся
В предчувствии серого дня,
В очаг
Сушняка и бересты подбросил —
И конь красногривый
Поспешно меня
По углям бывшего
Куда-то уносит...
А я от подобных поездок устал.
Мне хочется думать
О будущей встрече:
Быть может, сегодня
Примчится состав,
А друга, как прежде,
Порадовать нечем.
Известно одно,
Что очаг не угас...
Побольше бы света —
Поменьше сомнений!
Мой конь одобрительно
Гривой потряс,
Едва я подбросил
Смолистых поленьев.
Пылайте резвее
Под сводом огня,
Да будет мой мир
Обогрет и расцвечен!
Пусть конь красногривый
Уносит меня
По углям сомнений —
К назначенной встрече...

1974

ОТБЛЕСК ДОБРОТЫ

Вовек с такой дорогою
Не сладить:
Она, как зубр,
По-своему строга...
Я жизнь спешу
Не по хребту погладить,
А ухватить за жесткие рога.

Спешу туда,
Где мне киркой придется
Дробить окаменелые пласты,
Где севером остуженное солнце —
Лишь отблеск
Долгожданной доброты.

Черт побери!
Где ж горные распадки?
В глазах всплывают
Черные круги.
Но грузовик,
Трясаясь как в лихорадке,
Несется в глубь
Заманчивой тайги.

В дороге я
Увидел мир с изнанки,
Не знал, что жизнь
Трясет куда сильнее,
И потому,
Сойдя на полустанке,
Не успеваю следовать за ней...

1961, 1973

В НОВОМ ВАСЮГАНЕ

Встрепенется под ветром сосна,
Влажной веткой помашет над бровкой.
Как ребенок от страшного сна,
Где-то жалобно вскрикнет кедровка.
И во мне отзовутся на миг
Сотни звуков
И сильных, и слабых.
Тут неволью я мудрость постиг:
Без равнин
Не познаешь ухабы.
Здесь познал я,
Как сладок ночлег.
Стала хвоя приветливей пуха.
Я теперь убежден, что успех
Достигается бодростью духа.
Мы десятую скважину здесь
Пробурили до черных артерий.
И в обыденном светлое есть,
Что-то есть от высоких материй...
Вспомню бегло о хлопотах дня,
О друзьях нефтяного этапа.
И придавит усталость меня,
Как медвежья тяжелая лапа.

1972

* * *

Над Чулымом, в ослепшие ночи,
Для которых и спичка страшна,
Монотонно о чем-то бормочет
Частый дождик,
Не ведая сна.

Я не знаю,
О чем бормотанье
Этих струй за стеной,
У крыльца.
Пусть оно
Незабвенною тайной
Остается со мной до конца!

Без таинственных звуков и бликов,
Наполняющих душу подчас,
Верно, стало бы в мире великом
Мелководно и серо для нас...

1961, 1974

* * *

Земле обязана трава
За вешний сок,
Что в стеблях бьется.
А небу —
За дожди и солнце
До той поры,
Пока жива!

А там
Ни яркий блик зари
И ни роса
Ей не поможет,
Когда нагрянут косари
И праздник красок
Уничтожат...

Холодным пламенем
Зачем
Сверкать по этим звонким росам?
Но ведь к таким
Смешным вопросам
Практичный век
И глух, и нем...

Взаимность неба и земли
Влечет меня, как зов истоков,
Я возношусь мечтой высоко,
Хоть в жизни
Снова на мели.

Роптать ли мне
На жребий свой,
Войти ли в роль свою простую?
В раздумьях
Здесь, под синевой,
Возможно, зрелость обрету я.

О главном вспомню в тишине,
Что я земле
Обязан тоже
За все, дарованное мне,
А небу —
За простор погожий.

1977

32001

* * *

Сиреневый сумрак морозен,
И кедры обуты в пимы.
На лыжах,
Забыв про полозья,
Иду через пламя зимы.
Сибирская стужа не шутит,
Слезу вышибает легко.
Не здесь ли о жизненной сути
Задумался я глубоко?
Себя от судьбины печальной
Едва удержал на весу...
Я в должности нынче случайной:
Друзьям телеграммы несу.
Скорей бы! Обрадую многих:
Уже Новогодье у нас.
Да только до главной дороги
Я вряд ли дойду через час.
Вокруг — тишина гробовая,
А ночь разбудила беду:
Буран, провода обрывая,
Метался, как леший в бреду.
И вот я несу телеграммы,
Как будто людские сердца.
Лишь мне не доставит от мамы
Никто никогда ни словца...

1976

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Огласит предвечернюю даль
Грустный клик улетающей стаи.
Не случайно сегодня печаль
Я опять на себя нагнетаю.

Мне смириться бы с истиной той,
Что зима неизбежна,
Как старость,
Коль в реке,
Своейравной, крутой,
Поубавилась прежняя ярость.

Но в себе ощущаю протест
Против этих явлений природы.
Как хотелось бы видеть окрест
Больше света и синие своды!

И улыбки друзей замечать,
Разделяющих думы со мною.
Жаль, что грусть —
Вековая печать —
Не стирается жизнью земною.

Не грустить бы! Но снежная мгла
Распростерлась над нашей округой...
И земле тяжело без тепла,
Как невесте — без верного друга.

1980

В ЗАЩИТУ ФЛОРЫ

Я себя — что окно — распахну.
Майским ветром квартиру наполню.
И о встрече с любимой взгрустну,
Вековую дубраву припомню.

Шелестела она за окном,
А сегодня — домины, как склепы!
Мы печемся о крове родном,
Но бываем в поступках нелепы.

Строим счастье!..
Да разве оно —
Только в нашем семейном уюте?
Будет небо тусклей, чем рядом,
Если жизнь —
В потребительской сути,

Если эту сутью зажат
Несговорчивый дух славянина..
Я не вижу сегодня стрижат,
Я не слышу напев соловьиный.

А куда прилетать соловью?
Вместо крон — дымовая завеса.
Лишь доносится в отчем краю
Кукованье из дальнего леса.

1977

* * *

Утро раннее,
Звезды срывая,
Дышит холодом, кровь леденя.
Смотрит хмуро тайга вековая
Из-под белых бровей на меня.

Стонут глухо мохнатые кедры...
Словно песня о предках моих,
По просторам
Разносится ветром
Гуд завьюженных сосен и пихт.

В этих звуках,
Тяжелых, чугунных,
Голос древности я узнаю.
Пойте! Пойте, сосновые струны,
Про суровую землю мою!

Вы потомкам
О том расскажите,
Как встречал я рассвет у костра,
Как метель
Над землей необжитой
Полыхала всю ночь до утра.

1961, 1975

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Колосятся над полем дожди,
Расплескалась густая отава.
Оттого беспокойно в груди,
Что слегка пожелтела дубрава.

Скоро бронзу расплавит она,
Убелится надолго порошей.
И деревьям способность дана —
Потаенно мечтать о хорошем...

Я недавно подслушал кедрач,
Нагибая иссохшую ветку.
То ли мне показалось:
«Не плачь!»,
То ль она утешала соседку.

С той поры осторожней хожу
По окрестным лесам и болотам
И травинкой любой дорожу,
Проникая в таинственность:
Что там?

1974

СЕВЕРЯНКЕ

Здесь, в кедрачах,
Где с другом ныне
Тропу тяжелую торю,
Не только душу
Студит иней,
Но даже талую зарю.

И все же знаю,
Что когда-то
По нашей просеке пройдут
Жизнелюбивые ребята,
С пути сметая неуют.

В ненастье будут,
Словно прачки,
Дожди стирать на них белье, —
Ведь от судьбы
Не ждет подачи
Лишь тот,
Кто верует в свое!

И я, с надеждою особой,
Забыв, что силам
Есть предел,
Иду, не закипаю злобой
На свой неласковый удел.

И не мираж вдали маячит —
Реальный облик вознесен.
Он предо мной
Поет и плачет,
Как светлый зов
Российских сел.

Но ты не движешься навстречу,
Как будто облако, паришь.
Чем на безмолвие отвечу,
Когда вокруг —
Лесная тишь?

А где-то там,
По шумным скверам,
Бушует юность, как шуга...
Не стать бы в жизни
МалOVEROM,
Не погасить бы очага!

1977

Где пылали вчера снега,
Обнажился олений мох.
Устремилась к ручью кабарга,
Издавая протяжный вздох,

Облегченный, как тихий свет,
Что над нею скользят сейчас.
А зимою не скроешь след
От коварных звериных глаз.

Только бегством спаслась она
От недобрых внезапных встреч.
Хорошо, что пришла весна:
Будет проще себя сберечь!

Оживилась всюю тайга.
Ведь она для зверей — ничья...
Чутко слушает кабарга
Серебристые звуки ручья.

Что таится неясное в них?
И, привычного страха полна,
Встрепенулась невольно и вмиг,
Как зарница, исчезла она...

Я подумал о царстве лесном,
Неустроенном,
Страшном для тех,
Кто не сделался хищником в нем
Средь коварства и странных утех.

1976

ЗАКОН ЗЕМНОЙ

Я мягкотелый от природы,
Но так гласит закон земной:
Учись воспринимать невзгоды,
Как дерево —
Грозу и зной!

Не знаю,
Что со мною станет?
Я уязвим и малым злом.
А мне достались испытанья
И на разрыв, и на излом...

1973

* * *

Эх, дорожка моя —
Кружевная тесьма! —
Ты опять закружила меня, бедолагу.
Мне присесть бы сейчас
Над страничкой письма,
Чтоб свое откровенье
Излить на бумагу.

Только вымок мой скарб
От сентябрьских дождей,
Сам едва ли согреюсь
В замшелой сторожке.
Далеко-далеко
Мне до тех площадей,
Где пернатым бросали мы
Хлебные крошки...

Вот нагрянут сюда
Изыскатели трасс,—
Мы в дальнейшем на съемках
Расставим отметки
И проверим грунты,
Чтобы здесь после нас
На века распростерлись
Чугунные ветки.

Стоит все же сегодня
Кормить мошкарю,
Чтоб увидеть улыбки потом
На перронах!
Помечтаю в ночи,
До утра соберу
Задушевные звуки,
Рожденные в кронах.

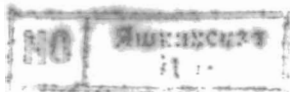
Может, в песню они
Воплотятся поздней
О могучей земле,
Неприветливой с виду.
Сколько встречу еще
Изнурительных дней
До того, как на площадь
Центральную выйду?

1977

ДРУГУ

О чем февраль поведать мне хотел?
Наверное, о странствии далеком:
О том, как бился
У продрогших стен
И у твоих заиндевевших окон.

11952-8

Мой давний друг!
Ты в искренность поверь:
С годами стал
К себе намного строже,—
Я не для всех
Распахиваю дверь,
Не всякий стук
Меня теперь тревожит.

Но я не в панцирь тягостный
Одет
И глухотой душевной
Не отмечен.
В пути не раз
От непосильных бед
Меня спасали дружеские встречи.

Ты был со мной
У чахлого костра,
Когда буран стонал на перевале.
Не зря порывы сердца и пера
Меня в твой мир
Уверенно позвали.

Не осуждай,
Что строчки о былом
Порой скупы,
Порой шероховаты.
И я иду, минуя бурелом,
А впереди —
Холмы да перекаты.

1974

* * *

Над сопкою визжат электропилы.
На крутизне заохала сосна.
Вся в россыпи серебряных опилок,
С последним вздохом
Рухнула она.

Что было с нею в прошлом?
Я заметил.
В ее стволе
Расплющенный свинец...
Кем послан он?
Кого сразить он метил?
Кто спасся здесь
Или нашел конец?

Лежит сосна
Свидетелем безмолвным...
Известно ль молодому сосняку,
Что и деревьям
Много гроз и молний
Приходится увидеть на веку?

1973

Т
Т
А

II

БЫЛОЕ

То радуясь быломu, то печалась,
Листаю жизнь —
Свои черновики...
Как было много странного в начале —
У безымянной радужной реки!

У речек всех начало отличимо
То порослью прибрежной,
То песком.
Истоки ж наши обвила крушина,
Что выдавалась нам
Не туеском,

Не горсточкой —
Большими ворохами...

Как памятно для сверстников моих:
В голодный год
Родные опухали,
А что могли придумать мы для них?!

И до чего ж запутаны истоки!
Мне не пробраться
Сквозь колючий терн...
Но и тогда,
Под куполом глубоким,
Я слышал всюду пионерский горн.

И ликовал, как сверстники-сельчане,
И согревался песней до зари.
Нет, много было светлого в начале —
У тех истоков,
Что ни говори!

Не нагнетаю половодье грусти;
Я солнечными ливнями согрет,
Хоть знаю: есть
У каждой речки устье,
Где русло обрывается, как след.

След человека...
Звук ночного грома...
Какой скоропалительный итог!
Вот я стою у ветхого парома,
Слегка бодрюсь,
Хоть крепенько продрог.

Попутчики о чем-то громко спорят:
И взрослые порой — озорники!
А я всерьез
Задумался о море —
У среднего течения реки.

1979

ПОД КУРСКОМ

Дымят костры на огородах:
То жгут ботву
В тридцатый раз.
Осенний день ушел на отдых
И проводил на отдых нас.

В округе тихо и просторно!
Пойму ли я с течением лет:
Откуда прорастают зерна
Людской вражды и черных бед?

Мне дороги,
Как прежде, эти
Приметы русского села,
Где все когда-то
На рассвете
Сгорело вмиг
Почти дотла.

А нынче?
Мирный дым над полем,
И для тревоги нет причин,
Но прошлым я настолько болен.
Что и теперь неизлечим.

1974

* * *

Вставала Бирюковка спозаранок,
Мелодия над хатами лилась.
И вдруг она взметнулась,
Как подранок:
Война в сердца людские
Ворвалась!

И полюшко неистово косили,
Снопы, как будто близких,
Обхватив,
Уже по-вдовьи бабы голосили,
Усвоив рано горестный мотив.

Но были в песне
И другие грани:
Священный зов
И яростный набат!
Кто мог бы знать,
Что враг сюда нагрянет —
И вся округа превратится в ад?..

В войну играли маленькие дети,
И я «посты» под вечер проверял.
Но прогремели залпы
На рассвете —
Я всех друзей внезапно потерял.

1977

* * *

Не до плясок: беда лиха!
Были проводы в сорок третьем.
Надрывались всю меху,
Как в степи ошалелый ветер.

Тихо бился о берег Псел,
Отзывались листвою березки.
Далеко от родимых сел
Уходили
Почти подростки.

Под березовый свист ветров,
Доносящих паленого запах,
С ними вместе
Игнат Петров
Рано утром ушел на запад...

В сорок пятом
К молчанью хат
И к шуршанью вишневых веток
Возвратился
Один Игнат,
А другие?
Остались где-то.

Их трехрядку смогли сберечь,
И давненько село не плясало.
Но у парня —
От самых плеч —
Два пустых рукава
Свисало...

1974

НА АЛТАЕ

Бобровский бор —
Приволье грибников,
Раскрой свои зеленые хоромы.
О, сколько раз в течение веков
И на тебя обрушивались громы!

И все же дым тебя не заволок,
Хотя пожар обжег твои ресницы.
Но даже обгорелый уголок
Дарует людям запах медуницы...

Иду тропой, не думаю о том,
Что довелось изведать
В лихолетье,

Как будто я листаю светлый том,
Где со страниц
Глядят с улыбкой дети.

Глядят с полян маслята на меня
И подзывают:
Мол, бери, прохожий!..
Земля друзей,
Как близкая родня,
Ты по-алтайски добродушна тоже.

1980

ОТЪЕЗД

Вдоль просеки — полозьев пересвист.
Куда наш путь?
Нам не до жизни сладкой.
Скрипучий снег — что облака —
Бугрист,
В нем вязнут воз и слабая лошадка.

Наш бедный скарб —
Как жизненный запас
Моих познаний и простых открытий.
Там, вдалеке,
Кто сможет встретить нас
И пригласить приветливо:
«Войдите!»?

Теперь для всех — единая беда:
Горит металл
Меж огненных кварталов.
Глазницами пустыми города
Глядят на мир сурово и устало.

И провожают беженцев леса,
Надломленные тоже,
Словно судьбы...
Там, позади, чернеет полоса,
Где кровь лилась
И каменели губы.

Дымящий бруствер.
Каски на снегу.
И гильзы, гильзы у разбитой пушки
Я позабыть вовеки не смогу:
Они ведь заменили мне
Игрушки...

1975

НА СЕЛЬСКОЙ ПЛОЩАДИ

Замирали в толпе
И мой одногодки.
Шелестел над притихшею площадью
Флаг.
Говорила Москва!
И последние сводки
Были многим дороже
Всех жизненных благ.
Я судил по друзьям
И по возгласам деда.
Он, двужильный, стоял,
Будто скрученный в жгут.
Если нам сообщали
О крупных победах,
Мой старик ликовал:
«Скоро фрицам — капут!»

...День пришел, долгожданный,
Как вздох на пределе.
Стали стены для радости нашей
Тесны!
Снова сельскую площадь
Нарядно одели.
Но старик не дожил
До победной Весны.

1976

* * *

Мне не верится даже,
Что столько я прожил!
На часах
Все былое
Отрезали стрелки...
К юбилейному тосту
Под шум молодежи
Каравай деревенский
Приплыл на тарелке,
Круглолицый, румяный
И пышный, как будто
Хохотушка соседская!
Взгляд оторвешь ли?
Я гляжу на него,
Но вот в эту минуту,
Точно дверь приоткрылась,—
Я встретился с прошлым...
Ну, откуда? Зачем
Возвратилось внезапно
Белобрысое детство,
В рубахе с заплаткой?

Содрогалось оно
От раскатистых залпов,
Хлеб сжимая в руке,
Хлеб, казавшийся сладким,
Хлеб, с ячменной половиной,
С картофельным жомом,
Хлеб, до крови царапавший
Десны и горло.
Но растеряно детство
По нивам сожженным,
Словно колосом звонким
Добротные зерна...

1961, 1979

СЯДУ В ЖЕСТКИЙ ВАГОН

Заворкует во мне, словно голубь,
Неясное что-то.
Ветер странствий опять
Овладеет, как в юности, мной.
Сяду в жесткий вагон —
За окном замелькают болота,
И фонтаны берез,
И бокалы сирени лесной.

Будет к нам аромат
Пробиваться на всех остановках,
Будоражить соседку
И в полночь меня поднимать:
Ведь с красивой попутчицей
Мне почему-то неловко,
Хоть в беседе не надо
Мне слов у других занимать!

Я в поездке любой
Беззаботен,
Доверчив, распахнут!
Забываю о горестях
Самых неласковых дней...
У попутчицы локоны
Ранними веснами пахнут:
Рядом с ней —
Не до сна,
Как с мучительной музыкой моей.

О себе умолчу.
Но соседка обмолвится кратко:
Мол, угасла любовь
После вешних, туманных ночей,
Мол, живется в дому
Хоть в достатке,
А все же несладко, —
Чем себя оградить
От житейских земных мелочей?

...Я закрою глаза
И припомню те ужасы века,
От которых могла бы
Сломиться былинкой душа,
А родимая мать,
Соскребая овес по сусекам,
Подняла пятерых,
Заодно — и меня, малыша.

Бытовых мелочей, как мошки,
Не боялась родная.
Разве дело-то в них,
Если в тягостный жизненный воз
Мать впрягалась одна

И тащила! А как? Я не знаю,
Но у глаз материнских
Я запомнил морщины.
Без слез.

1979

У ПРОХОРОВКИ

В шелковистом рассвете
Душа обретает
Необычную легкость — пушинке сродни.
И деревня парит
Лебединою стаей
На пригорке,
Обугленном в давние дни.

А снега отшумят —
И сады закипают,
И шуршат муравьи,
Что-то строят опять.
На хорошие всходы
Земля не скупая...
Ты, душа, оставайся —
Родимой под стать!

Здесь когда-то казалось:
Не вырасти травам,
Но ведь, помнится мне,
Я позднее замечал —
Сквозь отверстие каски,
Заброшенной, ржавой,
Пробивались былинки
Навстречу лучам!

Допускаю, что все под огнем
Истребимо...
Сила жизни!
Лишь ты не подвластна огню!
Вот на этом пригорке
Сгорела рябина,
Где встречаю ее молодую родню.

Зеленеющим кронам
Неведомо даже
О трагедии старшей далекой сестры.
И конечно, никто деревцам
Не расскажет,
Что не только под осень
Пылают костры...

А ведь людям-то выдалась
Доля крутая
Вместе с нашей землицей
В далекие дни.
Так пускай, хоть сегодня,
Душа обретает
Необычную легкость — пушинке сродни!

1978

ДВОРЫ ДВУХ ПОКОЛЕНИИ

Под пламенеющим покровом
Буран отвластвовал с утра.
И вот уже мальчишки снова
Несутся с криками:
«Ура!»

«Стреляют», падают.
И тут же
Их «конни» ускоряют бег.
Никто не ранен,
Не контужен.
Как детский мир,
Белеет снег.

А мне?
Лишь стоит в даль взглядеться,
Увижу бурые дворы.
В мое обрубленное детство
Война входила.
Без игры.

1974

III

* * *

Мы говорим:
«Всему приходит срок!..»
Меняются и лица, и пейзажи.
Пророс несмело крохотный росток
Из желудя,
Что мною был посажен.
Пройдут года.
Широкоплечий дуб
Раскинет ветви,
Зашуршит листвою.
Подобно мне,
Задорный жизнелюб
Познает грусть,
Когда буран завоет.
Невзгодам и столетьям вопреки,
Он сохранит свою большую душу...
А я прикосновением руки
Его дневных раздумий
Не нарушу.
Но внук иль правнук подойдет к нему
И тихо спросит обо мне, возможно...
Мы говорим:
«Приходит срок всему...»
Как на душе от этих слов тревожно!

1978

* * *

В моих стихах —
Не отголосок страха,
В них — отраженье боли и тоски:
Уж слишком рано
Музыкою Баха
Поэта провожают земляки!

Все остается прочно,
Недвижимо
На том столе,
Где он стихи берет.
И лишь печаль о нем
Неудержимо
Впервые ударяется в порог.

Но наше запоздалое участие
Теперь уже поэту
Ни к чему!
Он жил, как все,
С надеждою на счастье,
А что судьбой
Даровано ему?..

Чем возместить
И нам свои просчеты?
Стремленьем быть
Внимательнее впредь,
Чтоб на пути,
За резким поворотом,
Кого-то из друзей
Не просмотреть...

1976

13 ФЕВРАЛЯ

В ту ночь февраль
Тихонько ставню тронул,
Оставил гравировку на окне:
Как будто впрямь
Поэзии корону
Чудак с рожденья
Напророчил мне.

И надо же
В злосчастный миг родиться —
С причудами
Шального февраля!
Пока ловил я в небе
Журавля,
Из рук успела выпорхнуть
Синица.

1975

ПРОБЕЛ

Душа над бездной оробела,
Как лань —
На вздыбленной волне...
Зачем
С таким большим пробелом
Пришло прозрение ко мне?

Еще вчера под сводом алым
И я сиял, как божий день!
Преподносила мне бокалы
Едва расцветшая сирень.

Я принимал дары природы
И не печалился о том,
Что так легко уходят годы,
Невозвратимые потом!

Мне путь казался
Долгим очень...
А ныне? Вдруг я оробел,
Как будто враз
Сквозь темень ночи
Увидел жизненный пробел.

Назад рвануться бы! Вернуть бы
Весну и лето, но увы!
О человеческие судьбы,
Как непокорны людям вы!

1980

* * *

Сосняки разрослись,
Разрослись...
Прикрывая голубые берега,
Устремляются,
Развесистые, ввысь,
Тень роняя
На бугристые снега.

Поражаясь белизной,
Белизной,
К Черной речке поспешу
Напрямик,

Чтобы только
Перед раною сквозной
Каждый любящий Россию
Не поник.

Мне успеть бы до барьера,
Мне успеть
Встать мишенью
Перед дулом подлеца!
Опоздаю —
И ни бронза, и ни медь
Не заменят нам великого певца...

Что он видел?
Был в опале и страдал:
Свет напыщенный для гения —
Жесток.
Я туда не на секунду
Опоздал —
На столетье,
Где уже взвели курок...

Преодо мною — снегири,
Снегири.
А возможно, это кровь, —
Разберись!
Вот и снова
Я под сполохом зари
Перелистываю
Пушкинскую жизнь.

1977

ПРЕДЗИМНЕЕ

Еще вчера под зеленью берез
Жара теснилась,
Призывая грозы.
И вдруг сегодня
Инеем оброс
Поблекший луг —
И замерли стрёкозы.

Заглохла жизнь...
И на́долго затих
Клик журавлиный
Над моей округой.
А что еще я всей душой постиг
Вот здесь, где завтра
Забушует вьюга?

Постиг душой
Неукротимый нрав
Таежных рек и горных водопадов,
Разливы нив, и половодье трав,
И силу женских
Негасимых взглядов...

И думами друзей-сибиряков,
Немногословных,
Сдержанных при встрече,
Я, как мечтами ранними,
Влеком —
И, может, их строкой увековечил?

Как знать об этом?
Ведь в единый пласт
Спрессованы все листья,
Без разбора...

Глядишь, зима,
Отвергшая контраст,
Все убелит,
Пройдя по косограм.

О зимних днях задумаюсь на миг —
И вздрогнет сердце
Крохотной пичугой.
А что еще я всей душой постиг
Вот здесь, где завтра
Забушет вьюга?

1979

* * *

Лежит листва
Полуживая:
Над садом разразился град.
Он, точно гвозди забивая,
Стучал по столбикам оград,

Стучал по крышам ошалело —
И вдруг затих...
А над рекой
Заря так низко заалела,
Что до нее — подать рукой!

Алела, словно согревая
Своим румянцем тихий сад.
И все ж листва
Полуживая,
Как прежде, ощущала град.

1976

БОЛЬНИЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Вновь зима натянула поводья —
Отпустила хотя бы слегка!
Над округой — бураны сегодня,
Подо льдами умолкла река.

По весне оживет, забунтует,
По-кержацки подхватит плоты —
И, как прежде, простор обрету я,
Ощущенье крутой высоты.

Плотогоном уйти бы мне снова
И напористый нрав обрести!
По утрам восторгаться уловом
И рыбацкие сети плести.

За печальной стеной, каменюкой,
Лихоманит февраль без меня.
Как же можно поверить в разлуку —
Не дожидаться желанного дня?!

Как же можно?
Ведь столько не спето
И не сказано мною пока.
Поутихнет буран до рассвета,
Поредеют в душе облака.

Я воспряну!
Почувствую бодрость.
И затеплится вера во мне,
Что увижу над родной вёдро,
А себя — на чулымской волне!

1980

У ПАМЯТНОГО ДОМА

Жил здесь писатель Александр Волошин,
И свет в окне
Призывней маяка
Манил к нему друзей издалика,
Нередко забинтованных порошей.

Был рад Никитич
Другу-горняку,
Внимателен к зеленому собрату.
Он так умел оттачивать строку,
Как некогда — саперную лопату!

Его душа, как будто степь, могла
Всех разместить
И раззадорить встречу.
А много ль было выдано тепла
Ему взаимно?
Вряд ли я отвечу.

Он предо мною глыбою вставал,—
Он говорил и мудро, и весело.
А перед ним...
Последний перевал
Был траурною кистью нарисован.

И над потоком
Майского тепла,
Над городским удушливым кварталом
Пронзительная музыка текла
И — вдруг... сменилась
Громом небывалым!

Как будто против смерти свой протест
Сама природа
Выразить хотела.

Гроза промчалась.
И затих оркестр.
Но как душа, душа осиротела!

И дом — не тот!
Знать, каждой нервной клеткой
Я к старшему собрату прикипел.
Я с ним делился бедами нередко,
А счастьем поделиться
Не успел.

1978

КОНТРАСТЫ

Где сыро, там и льет.
Где тонко, там и рвется.
Одна беда пройдет,
Другая подвернется.

А радость?
Редкий гость,
Как солнце поздним летом:
На крону взглянет вскользь —
Не каждый лист
Согрет им...

Хочу я быть листом
На самой верхней ветке,
Чтоб в сумраке густом
Меня хлестали ветры,

Чтоб зной
Нещадно жег
И ливни омывали,

Чтоб испытать я смог
И радость, и печали.

Когда же час придет
Оставить
Ствол могучий,
Пусть росчерк
Гневной тучи
Меня перечеркнет!

1964, 1976

* * *

«Несговорчивый дух?..»
Понимаю:
Я ведь тоже не камень — огонь.
Видишь,
Сердце свое вынимаю,
Видишь,
Сердце кладу на ладонь.
Вот оно,
И в рубцах,
И в ожогах,
Как земля после жарких боев.
И печалью на тяжких дорогах
Я насытил его до краев...
Встретит черствость —
Сдержаться не может,
Ложь заметит —
Опять не уйму.
Но подчас подлецов толстокожих
Одолеть не под силу ему.
Сотни раз пораженья изведай,

Но храни убежденность свою:
Сердце лечится
Только победой,
А победа приходит в бою!

1964, 1973

* * *

Ходит осень, раздумий полна,
Непогодой земле угрожая.
Водит медленно кистью она,
Настроенье свое выражая.

И оно задевает людей,
Озабоченных скорою стужей.
Серебристая песнь лебедей
В небесах опечаленных кружит.

Только я почему-то сейчас
Не подвластен мотивам осенним,
Словно грусти огромный запас
На подъемах и спусках рассеял.

И пускай опускается снег
На лесные холмы и овраги.
Мне отраднo,
Что осень для всех
Распростерла багряные флаги!

1978

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Кто покрыл ослепительным лаком
Опрокинутый свод
Голубой?
И стоит восклицательным знаком
Сизый дым
Над белесой трубой.

Дым отечества,
Ввысь устремленный,
Ты — из сказки,
С которой возрос,
Но напутствий
Сестрички Алены
Почему-то не принял всерьез.

Довелось мне испить
Из копытца,
А позднее — хлебнуть
Из ковша...
Знать, напрасно
Внушала сестрица:
Все запреты отвергла душа.

И могла бы истлеть
В непогоду,
Точно искра
В холодной золе.
Но, как тянется дым
К небосводу,
Так душа —
К приозерной земле...

1976

ПРИВЕТ, РОДИМЫЕ МЕСТА!

Предзимним сном объаты пажити.
Привет, родимые места!
Что вы сегодня мне расскажете,
Природы праведной уста?

Я к вам прислушался доверчиво —
И стала грусть моя легка.
Все светом бронзовым расцвечено:
Листва и стебли тростника.

Река с пунцовым отражением,
Куда спускается закат,
Бурлит на всем своем течении,
Как год,
Как десять лет назад.

Черты, казалось бы,
Незначимы,
А мне по-прежнему близки,
Хоть чувства
Временем прихвачены,
Как изморозью тростники...

1973

МАЗАНКА

Пар клубится над родным порогом,
В ожиданье вешнего тепла.
И не здесь ли родилась дорога,
Что меня к распадкам привела?

Здесь другие
И плетни, и межи,
И колонки — вместо журавлей.
Только синь да запахи
Все те же
Над притихшей мазанкой моей.

Век прогресса!
Я к нему причастен,
Но при виде перемен кругом
Сердце разрывается на части:
Так скорбит о самом дорогом...

Где ж оно?
Ушло невозвратно.
А давно ли?
Не припомнить мне.
Отцвело, отпело, отгрустило
На родимой курской стороне.

Но осталась мазанка
На склоне,
Только к ней позаросли пути.
Боль утрат
Меня куда-то гонит...
А куда от памяти уйти!

1976

В РАННИЙ ЧАС

Едва рассвет
Затеплится под небом,
Я улыбнусь июльскому лучу.

Его тепло и бескорыстье —
Мне бы,
Хотя и я на участь не ропщу:

Вчерашние обиды забываю,
Пытаюсь близких
Словом обогреть...
Моя утрата —
Рана
Ножевая,—
Не беспокой меня
Сейчас и впредь!

Пускай за горизонтом
Отдаленным,
Где улеглась шальная пыль дорог,
Шумят,
Как будто молодые клены,
Года моих волнений и тревог...

Не все из них,
Подобно киноплёнке,
Перед собою прокрутить смогу.
Я дорожу
Своим июлем звонким
С привольным сенокосом на лугу.

И в ранний час,
Когда светлеет небо,
С надеждой на обильный сенокос
Невольню я подумаю:
«Вот мне бы —
Погожих дней,
Без вихрей и без гроз!..»

1975

* * *

Не славный пуховик,
Не редкостное блюдо,
А хвойную постель
И черный хлеб с водой
Я вспоминать готов
До той поры, покуда
Всесильная душа
Справляется с бедой.

Что ж, я познал невзгод
Побольше, чем морщинок,
Боль близких ощущал
Острее, чем свою.
Забыть бы мне,
Как там полынь горчила,
Куда не долететь
Из Курска соловью.

Пернатый мой певец,
Тебе я благодарен:
Ты к песне пристрастил
Меня с туманных лет.
Пускай суровый путь
Лицо мое состарил,
Зато мой прежний мир
Не потускнел от бед.

Его перед людьми
Распахиваю настезь...
Невзгоде говорю,
Как туче грозовой:

«Напрасно синеву
Своей громадой застишь,
Не устрасит меня
Удар последний — твой!»

1981

ХОДИКИ

Замшелый дом,
Закрытый на засов,
Я распахнул —
И ветер заметался.
А неподвижный маятник часов
Во мне внезапно болью отозвался.

О боже мой!
Как горько сознавать,
Что вся вот эта
Старенькая мебель:
И стол, и деревянная кровать —
Все долговечней,
Чем отцовский жребий...

Приемлю в жизни радость и беду!
Да, мы с отцом —
Цепи единой звенья...
Цепочку дерну,
Стрелки подведу —
И ход часов услышу на мгновенье.

1980

ПРОЗРЕНИЕ

Над Шексною шуршанье шуги...
Бьются льдины
Напористо, люто.
Видно, стал я с годами
Другим:
И весна мне горька почему-то.
И откуда бы взяться в душе
Этим чувствам,
Тяжелым, подспудным?
Или мною душа,
Как мишень,
Выставлялась
Порой безрассудно?
А ведь корни живучего зла
И добра —
В постоянном соседстве.
Эту истину поздно
Познал,
А познать еще надо бы
В детстве!
Оттого и не счесть мне потерь,
Но прозрел я, изведав утраты.
— Не ломлюсь я
В открытую дверь,
Как в закрытую
Рвался когда-то...

1976

* * *

У детства — ни стен,
Ни заборов,
Простор да прибор ковыля.
Глядит умильным взором
На нас повитуха-земля.

А после она замечает:
Воздвигнуты стены
Тайком,
И нашу постройку венчает
Массивный забор
С козырьком.

И кажется странно,
Что сами,
Свободу с рожденья любя,
Прощаемся мы с чудесами
И в клетку сажаем себя.

Та клетка —
Из наших терзаний,
Обид и нелепых затей...
И снова мы держим экзамен —
На зрелость
Уж наших детей.

Тревоги за них не скрывая,
Мы смотрим печально подчас.
А клетка —
Как будто живая:
Всецело сграбастала нас...

1976

НЕОТВРАТИМОЕ

Пока мы на ноги детишек ставили,
Себя растратили,
Себя состарили.
Срывался в беды я,
Как будто в проруби,
И снегирями мне
Казались голуби.
А ты, устойчива душой и разумом,
Двойною ляжкой была обвязана
И в лучшей участи была уверена...
Так что же найдено,
А что утеряно?
Находки редкие —
Утраты частые.
Пусть наша молодость
В ребятах здравствует!

1979

РОДИТЕЛЬСКАЯ ОПЕКА

Стою в раздумье на холме крутом,
Отсюда мне дубравушка виднее.
А рослый дуб
Не думает о том,
Какой подлесок тут взрастет
Позднее.

Он желуди под осень обронил
И не берет их
Под свою опеку.
Не знает безмятежный исполин
Того, что достается человеку...

О, сколько в речке утечет воды,
Пока печешься над своим созданием!
Потом к тебе за все твои труды
Приходит утешенье... с опозданием.

Чем оградить
И как тебя сбережь
От всех страданий,
Близкая, родная?!
...А дуб растет, красив, широкоплеч,
И вновь на землю желуди роняет.

1980

* * *

До свиданья, простор васильковый!
Улетаю, как вольный орел.
Ты меня одарил не подковой —
Тут я веру в призвание обрел.

Зажелтели домишки — что соты,
А речонка внизу — что тесьма.
Так близки мне под вечер полеты,
Как заветные строчки письма.

Наполняюсь невольно восторгом,
Словно грусти не ведал земной.
Только быть мне за тучей недолго:
Час пройдет, и она —
Надо мной.

Будет встреча,
А после — разлука:

Бесплезен со временем спор.
Приземлюсь...
И не стану аукать
Я тебе, васильковый простор.

1980

* * *

С чем любовь мне сравнить,
С родником ли?
Высыхает нередко до дна.
С чистым снегом?
Но снежные комья
Половодьем уносит весна.
Может, с факелом жаркой сирени?
Хлынет ветер —
И факел погас.
Ну, а с верностью
Собственной тени?
Тень во тьме исчезает от нас...
Лишь такую любовь принимаю,
Чтоб сравниться
Ни с чем не могла:
Ни с сиренью, пылающей в мае,
Ни с ковром,
Что пурга намела!

Ни с тревожными бликами ночи,
Ни с оттенками светлого дня.
Чем становится путь мой
Короче,
Тем дороже любовь для меня!

1977

* * *

Ночной буран —
Мой белый соловей!
Взмахни крылом среди равнины
Древней.
Мою печаль о сказочной царевне
Ты, словно тучу снежную,
Развей.

Случилось так,
Что серый волк спешил,
Как говорится,
Лез из волчьей шкуры.
Но Несмеяну я не рассмешил,
Явился к ней Иванушкой понурим.

Она внезапно погасила свет,
Неотразимый,
В тереме высоком...
Я ухожу от затемненных окон,
И вновь буран
Хохочет мне вослед.

1980

* * *

Не доверяю поездкам:
До цели тянутся устало.
Я на минуту опоздал,
А ты — на годы
Старше стала.

Но сколько чувство ни таи,
Оно когда-то отзовется,
Как звон опущенной бадьи
Из молчаливого колодца...

Какая темень в глубине!
А выше, над песчаным слоем,
Как в зеркале,
Увидеть мне
Легко себя и все бывшее.

Вот — руки плавные твои...
Что нам до утренней прохлады!
Над нами снова соловьи
Выводят чистые рулады.

И столько легкости во всем:
В листве
И в дуновенье ветра!
А что за тем
Счастливым днем?
Мои крутые километры.

Солдатский путь...
И письмецо —
Такое острое —
Как вызов!
Я позабыл твое лицо
И не сберег штрихи эскизов.

Зато в полотнах воссоздал
Прилив и зелень краснотала...
Я на минуту опоздал,
А ты — на годы
Старше стала.

1978

* * *

Уголок нелюдимый.
Безголосая заводь.
Я вхожу в этот мир,
Точно в мир старины,
Где причудливым сказкам
Русалками плавать
В серебристом ковше
Отраженной луны.

Надо мною в раздумьях
Склоняются сосны...
От житейских невзгод
Исцеление — здесь!
Возвращаясь неволью
К безоблачным веснам,
Я воскликнуть готов:
«Отзовись! Где ты есть?»

И в ответ
Донеслось бы
Протяжное эхо
Да шуршанье не платья,
А чутких осин.
Мне казалось:
От прежнего чувства уехал...
А вернулся —
И снова его воскресил.

Этот лес воскресил
И мечты,
И печали,
И пронзительный запах
Российской земли.

Здесь когда-то сердца
Необычно стучали,
Только тут по-особому
Травы цвели...

1973

ПОЛЮСА ОТЧУЖДЕНИЯ

«Как видишь, родная:
В ночной тишине
И звезды не гаснут,
И тучки не дремлют...»
Но ты мимоходом заметила мне:
«Пора опуститься на грешную землю!»
Я принял бы этот практичный совет.
И, жизнью довольствуясь,
Знал бы о том я,
Что все же твоею любовью согрет
И новую пристань обрел я в Притомье.
Мне жить бы с тобою
Заботой одной,
В суровую землю корнями врасая,
Да вот неувязка,
Что с каждой весной
Тревожит меня перелетная стая.
Волнуют зарницы в холодной дали.
То горе, то радость
Стучится с рассветом!
Как можно остаться
С тобой на мели
И с тем согласиться,
Что песенка спета?!

1979

Опять прощанье:
Птицы улетают
От наших чистых, но холодных вод.
Листовою желтой
Яблони латают
Однообразный серый небосвод.
Сижу, как будто сторож
Престарелый,
В дырявом, опустелом шалаше.
Костер погас.
Твое письмо сгорело,
Как чувство злобы,
Чуждое душе.
Озлобленность —
Не спутница поэта.
Но суть одну
Не усмотрела ты:
Уж если здесь
Угасли краски лета,
Так что же ждать
От женской красоты?
Еще кого-то и влечет, и дразнит
Твоя походка да и внешний вид.
Ты осмотришь...
Вот-вот последний праздник
В твоём саду листовою отшумит.

1979

* * *

За окнами звездно.
А мне неуютно.
Ручьи безголосы:
Под снегом пока.
И ты молчалива,
С обидой подспудной,—
Как будто зажатая льдами
Река.

Не стану я ждать
Остановки конечной...
С годами твой образ
Уйдет в забытье.
У нас для молчания —
Целая вечность,
А вот для любви —
Лишь частица ее.

1963, 1976

* * *

Наши судьбы,
Как будто круги на воде,
Разошлись на изломе
Дождливого лета.
Только в сердце моем
Повторяется: «Где?»
Где ты есть,
Незабвенная Верность поэта?»

Мир устойчивым был!
А теперь на песке
До поземки хотел бы
Закончить жилище...
Чем его остеклить,
Чтобы серой тоске
Не проникнуть в очаг,
Если ветер засвищет?

Мне открыть бы
Такой заменитель стекла,
Чтобы синь излучалась
Из хмари таежной!
Но нельзя невозможное
Сделать возможным —
Нам круги не вернуть,
Коль вода утекла.

1977

ПОЛОСА ТУМАНА

Везде спешу и всюду отстаю:
Ирония судьбы. Да, не иначе...
Вот и сейчас
На пристани стою.
А теплоход?
В тумане отмаячил.

Ушел, как ты когда-то,
В полутьму.
Я опоздал.
Другой попутчик встретил.

Не спрашиваю:
«Как и почему?..»
Не вижу прока ни в каком ответе!

Прости меня!
Я безрассудно жил,
Приветствуя любую перемену.
Я временем своим не дорожил,
Не знал минуте
Истинную цену.

Носился всюду,
Встрям вопреки,
И вдруг представил...
Стало как-то странно,
Что между нами —
Не лазурь реки,
А десять лет
И полоса тумана.

1974

* * *

Скосить бы мне
Траву забвенья,
Чтоб снова радость обрести!
Но корни сорного растенья
Уже успели прорасти.

А значит, снова на покосе
Трава поднимется стеной...
Она, как ты,
В скупую осень
Не посчитается со мной.

Наперекор сибирской стуже,
В краю ветров и мерзлоты
Нахлынет волнами — и тут же
Прикроет наглухо цветы.

Цветы любви —
Они пестрели
И вдруг... зачали в суховой.
Возможно, счастье просмотрели
С тобой мы в юности своей?

Как знать о нем?
Ведь мне под вечер
Траву забвенья
Не скосить!
Едва ли нам помогут встречи
Любовь былую воскресить.

Вдали закат,
Как пламя в тигле,
Вблизи пророс
Морозный столб.
Что нас теперь в пути настигнет:
Сигнал «идти»,
А может — «стоп»?

Остановлюсь, осознавая
Свою ошибку по весне.
Трава забвенья,
Оживая,
Вновь о себе напомнит мне.

1977

ПОХОЛОДАНИЕ

«Войди в мой мир!» ---
Зову тебя в ночи.
В нем обогрейся,
Как в домишке давнем,
Где слабый свет ложился от свечи
На голубые старенькие ставни.

Ты помнишь их?
Под ветер-листобой
Они стучали некогда о стены,
Как будто ожидали перемены
В природе грустной
Да и в нас с тобой.

Она во всем уже произошла...
Но что меня сегодня удивляет?
По всей России
Сиверко гуляет,
И стало меньше в комнате тепла.

Любимая! Ты в главном помоги:
Мне тяжело выносить
Похолодание.
Войди в мой мир оттуда, где ни зги,
Где затерялось первое свидание.

1978

* * *

Ни письма, ни единого звука...
То ли ты —
На распутье дорог,
То ли скорый в тумане простукал,
Полустанком
Моим пренебрег?

Думы дымом,
Махорочным, горьким,
Надо мною повиснут в ночи.
А под утро приветливо зорька
Снова в сердце мое постучит.

И лучи, из-за туч пробиваясь,
Будут ласково
В окна смотреть.
Но любви неокрепшую завязь
Ты одна лишь способна согреть.

А в ответ —
Ни единого звука...
То ли ты —
На распутье дорог,
То ли скорый в тумане простукал,
Полустанком
Моим пренебрег?

1973

* * *

Вода в молчаливом колодце
Застыла квадратом свинцовым,
Хотя лихорадочно бьется
На дне его
Пульс родниковый.

Тропинка к нему зарастает.
Безмолвье у старого сруба.
Сегодня вода поступает
Легко и напевно по трубам.

И стало мне грустно при встрече
С угрюмым, забытым колодцем.
Неволью представился вечер,
Что в памяти вновь отзовется.

Ты шла осторожно
И в ведрах
Несла отраженные луны.
Была горделивою, бодрой,
Как музыка, светлой и юной.

Я тут же узнал, что на лето
Приехала к близким вчера лишь.
О, сколько особых рассветов
Ты жаркому сердцу подаришь!

Хатенки тебя восхищали,
Остаться хотела бы даже!
А я, не познавший печали,
Все рвался...
Зачем и куда же?

Сквозь годы пройдя солнцелюбом,
Изведал и нарты, и нары...
Стою у мохнатого сруба,
Такой же обросший и старый.

Колодец живет, но заброшен,
Как наша сутулая хата.
Я вспомнил о самом хорошем,
Что жизнь подарила когда-то.

1978

* * *

Здесь давно васильки подзавяли,
И анютины глазки вчера
Оказались на том сеновале,
Где еще не спадает жара.
Посмотрю на знакомую рощицу,
Вспомню встречи —
Со школьной скамьи...
И в душе, как в реке,
Заполощутся
Золотистые косы твои.
Ах ты, Дина, красавица Дина!
Как сегодня живется тебе
Под приветливый клик лебединый
В самой видной и светлой избе?
Я ж свое позабыл обещање
И свою перепутал между...
«Ну скажи хоть словцо
На прощанье».
Ты — в ответ:
Мол, живу — не тужу.

Сколько раз косогор перепахан!
Отшумел хороводами луг.
Наша юность,
Как быстрая птаха,
Улетела в предчувствии выюг.

1979

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Так дни однообразны у меня,
Как будто иглы на пихтовой ветке.
И ты лишилась прежнего огня:
Беседы кратки,
А улыбки редки.

Кого винить, когда спокоен бег
Былой реки,
Напористой и лютой?
Такая участь поджидает всех,
И нас настигла полоса уюта.

Не жажду я, как в юности, дорог,
Довольствуюсь твоим
Надежным тылом,
Как будто бы меня
В бараний рог
Судьба неукротимая скрутила.

Но я-то знаю:
Вздыбится река,
Когда ручьи забулькают по склонам.

Апрельским днем
Иного старика
Легко поставить в ряд
С молодоженом.

1979

* * *

Представляется вечер
Мостом голубым
Между радужным днем
И дождливою ночью...
Но во все времена
Я тобою любим
И — теперь, хоть буран
Завывает по-волчьи

И невольно тоску
Нагнетает в очаг —
В мир, надломленный с детства
Зловещим насильем...
Но, почувствовав руки твои
На плечах,
Я опять обретаю
Незримые крылья.

И они поднимают
Бесшумно меня
Над шуршащей пургой,
Над пейзажем печальным...
Наши древние предки
В ночи, без огня,
Согревались вот этим
Теплом изначальным!

Из глубоких сердец
Излучалось оно,
Через толщу столетий
В наш мир проникало.
Нам природой
Великое свойство дано:
Дорожить, как наследством,
Душевым накалом.

Счастлив тот,
Кто способен его уберечь
Средь житейских невзгод —
До прощальной минуты...
Сохраню ли тепло
От восторженных встреч,
Если вдруг
Жизнь со мною
Расправится круто?

1978

* * *

Майский уровень пруда
Не поднимут летом ливни.
Жизнь — не вешняя вода, —
Не становится обильней.

Постепенно, с каждым днем —
Всё на убыль. Всё на убыль.
Не зажгут былым огнем
И меня девичьи губы.

Ах, красавица, к чему?
Обольщенье? Запоздало!
Как в заброшенном доме,
Так во мне свеченья мало.

Майский уровень пруда
Не поднимут летом ливни.
Жизнь — не вешняя вода,—
Не становится обильней.

1981

ЗРЕЛОСТЬ ЛЮБВИ

Известно мне,
Что самый первый снег
Пленителен
И все ж недолговечен.
Да и любовь растаяла, как смех,
Который ты рассыпала при встрече.

Твои слова забыл давным-давно..
Все прошлое
Так призрачно и странно,
Как будто в неозвученном кино
Тебя увидел с тусклого экрана.

Теперь в дороге встретились бы мы —
И разминулись тут же,
Бессловесно.
Устойчив снег под куполом зимы —
Крепка любовь,
Что зрелости известна.

1979

Исцелите меня,
 Серебристые обские плесы!
 Я хочу воскресить
 Бесшабашную удадь свою.
 Угасает июль...
 Но пока не поблекли покосы,
 Может, я для любимой
 Венок запоздалый совью.
 Я сплести не успел
 Тот венок из душистых ромашек,
 О котором она,
 Вероятно, мечтала не раз.
 С опозданием хватился,
 Что я огрубел от промашек:
 У причала стою,
 Как заброшенный старый баркас,
 А в лодчонке одной
 Затаились влюбленные двое,
 Им доступна краса
 И мелодия нежной реки...
 Неужели метель
 И над ними когда-то завоет?
 ...Сохраните любовь!
 Сохраните, всему вопреки!
 Сколько прелести в них!
 Сколько силы и доброго света!
Вот к воде подошли
 И на счастье бросают венок.
 И во мне оживает
 Особое свойство поэта:
 Целый мир обретать,
 Хоть бываю подчас одиноком...

* * *

Взгляни туда,
Где звонкая сосна
Оцепенела на краю обрыва.
Над кручей распростерлась горделиво,
Хотя опоры прежней лишена.
Отвесный грунт обрушится вот-вот,
Уже свисают корни безнадежно.
Неотвратим
Трагический исход,—
Мне потому
За жизнь ее тревожно.
Тревожно,
Как за собственный удел.
Казалось бы, зачем себя печалить?
А я пытаюсь к берегу причалить,
Где твой очаг едва не проглядел.
И ты в оцепенении тогда,
Как та сосна,
Стояла над пучиной.
Я долго шел...
На то была причина,
Но разве мог я не прийти сюда?!

Не разминутись!
Радуйся тому,
Что новый день
С твоей душой созвучен.
И так светло.
Как в праздничном доме,
Где я с тобой вовеки неразлучен!

1980

Сухим дровам необходима спичка,
А юности —
Хоть строчка про любовь!
Но я свой мир
Печальями напичкал,
О чувствах светлых —
Мало теплых слов.

Их растерял по северным распадкам
Под лай собачий
И таежный гуд...
Что ж! О любви —
Таком напитке сладком —
Слова, как порох,
Люди берегут.

Есть побасенки,
Будто камни, грубы:
Мол, бабы — неустойчивый народ.
Она — твоя, пока целуешь в губы,
Чуть отвернись —
К другому ускользнет...

Но каждый раз
Такие разговоры
Во мне рождали яростный протест.
Я знал, что капля
Не размочит горы, —
На бреднях
Словом не поставить крест.

Под стать награде
За мое терпенье,
За то, что в мыслях был
Непогрешим,

Любовь пришла,
Как вешнее кипенье,
Да только —
С опозданием большим.

Уже цветы на клумбах затухают...
И кажется:
Утрат не превозмочь.
Но ведь любовь —
Не веточка сухая,
А тот костер,
Что гонит сумрак прочь!

1978

* * *

Как просторно и тихо
В далеке безответном!
Что же ты, соловья,
Не поешь о заветном?
Мне без песни отрадной
Неуютно и сиром,
Точно шум листопадный
Распростерся над миром.
Но тоске и унынию
Я сейчас не подвластен,
Хоть печальные клинья
Возвестят о ненастье.
Оставляя долины,
Не минуя болотин,
Каждый клин журавлиный
Поредет в полете.

Поредет... Но вскоре
И над нашей судьбою
Будет небо, как море,
После гроз —
Голубое.

1980

* * *

Сентябрь... Сентябрь!
Он так же сердцу дорог,
Как возраст мой,
Окрепший на ветрах.
Ты посмотри:
Листвы последний ворох
Уже сметен в чернеющий овраг.

На всем лежит оттенок легкой грусти.
Чем осветлить свою печаль, скажи?
Быть может, мне уехать в захолустье,
Где высь не заслоняют этажи,

Не прикрывают жизнь передо мною...
Ее познать хотел до мелочей,
Но чем упорней шел за новизною,
Тем был слышней
Напев родных ключей.

Пора на отдых!
Угодить в трясины
Немудрено:
Опять собрался дождь.

Трясут ветра печальную осину,
Да так трясут,
Что ощущаешь дрожь.

А надо жить
И верить в день погожий
И в тот просвет,
Невидимый пока...
Пойми, что листья
На сердца похожи:
Им тоже радость краткая близка.

Их согревало солнышко вчера лишь,
Теперь — дожди,
А там, глядишь, снега.
Зачем же ты себя утратой ранишь,
Неужто жизнь тебе не дорога?

Прими ее не только с вешним цветом,
Но и с коварством длительной зимы!
Люби и знай:
Когда-то, в чем-то, где-то
Протяжным эхом отзовемся мы...

1981

41952-8

СОДЕРЖАНИЕ

I

Основа	3
«Проснулся в предчувствии серого дня...»	4
Отблеск доброты	5
В Новом Васюгане	6
«Над Чулымом, в ослепшие ночи...»	6
«Земле обязана трава...»	7
«Сиреневый сумрак морозен...»	9
Межсезонье	10
В защиту флоры	11
«Утро раннее...»	12
Отзывчивость	12
Северянке	13
«Где пылали вчера снега...»	15
Закон земной	16
«Эх, дорожка моя...»	16
Другу	17
«Над солкою визжат электропилы...»	19

II

Былое	20
Под Курском	21
«Вставала Бирюковка спозаранок...»	22
«Не до плясок: беда лиха!»	23
На Алтае	24
Отъезд	25
На сельской площади	26
«Мне не верится даже...»	27
Сяду в жесткий вагон	28
У Прохоровки	30
Дворы двух поколений	31

III

«Мы говорим...»	33
«В моих стихах — не отголосок страха...»	34
13 февраля	35
Пробел	35
«Сосняки разрослись...»	36
Предзимнее	38

«Лежит листва полуживая...»	39
Больничная элегия	40
У памятного дома	41
Контрасты	42
«Несговорчивый дух?»	43
«Ходит осень, раздумий полна..»	44
Дым отечества	45
Привет, родимые места!	46
Мазанка	46
В ранний час	47
«Не славный пуховик...»	49
Ходики	50
Прозрение	51
«У детства — ни стен, ни заборов...»	52
Неотвратимое	53
Родительская опека	53
«До свиданья, простор васильковый...»	54
«С чем любовь мне сравнить...»	55
«Ночной буря — мой белый соловей!..»	56
«Не доверю поездам...»	56
«Уголок нелюдимый...»	58
Полюса отчуждения	59
«Опять прощанье: птицы улетают...»	60
«За окнами звездно...»	61
«Наши судьбы, как будто круги на воде...»	61
Полоса тумана	62
«Скосить бы мне траву забвенья...»	63
Похолоданье	65
«Ни письма, ни единого звука...»	66
«Вода в молчаливом колодце...»	67
«Здесь давно васильки подзавяли...»	68
Сентябрьское	69
«Представляется вечер мостом голубым...»	70
«Майский уровень пруда...»	71
Зрелость любви	72
«Исцелите меня...»	73
«Взгляни туда, где звонкая сосна...»	74
«Сухим дровам необходима спичка...»	75
«Как просторно и тихо...»	76
«Сентябрь... Сентябрь!..»	77

35 коп.

